

23.00.04 ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ /
POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL
AND REGIONAL DEVELOPMENT

Серия «Политология. Религиоведение»
2020. Т. 32. С. 20–33
Онлайн-доступ к журналу:
<http://izvestiapolit.isu.ru/ru>

ИЗВЕСТИЯ
Иркутского
государственного
университета

УДК 327(470:510)
DOI <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2020.32.20>

Политические и экономические тренды российско-китайских отношений

О. В. Архипкин, А. Н. Лапшин, С. А. Голик

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Аннотация. К настоящему времени в российском обществе имеет место точка зрения, что современное состояние российско-китайских отношений характеризуется исключительно положительным политическим и экономическим трендом как на глобальном, так и на макроуровне. Россия и Китай позиционируют свои отношения как стратегическое партнерство на прагматичной и конструктивной основе. Вместе с тем проведенный анализ исторического и эволюционного развития политических и экономических отношений между странами свидетельствует о наличии латентных противоречий системного характера, которые являются предметом рассмотрения в данной статье. По мнению авторов, в общей парадигме российско-китайских отношений доминирует политическая составляющая, которая предполагает получение взаимных выгод на основе равноправного сотрудничества. В результате анализа выявлено, что если политическое содержание российско-китайских отношений имеет прагматический и продуктивный характер, то экономическое содержание разнонаправленно и конфликтно, это приводит к общим противоречиям в отношениях России и Китая, особенно на территориях трансграничных регионов. На основании этого делается вывод, что при наличии политического паритета России и Китая как в двусторонних отношениях, так и в глобальном пространстве между странами нарастает экономический диспаритет в пользу Китая, который потенциально создает угрозы для политического партнерства двух стран, что предполагает коррекцию позиции России в двустороннем сотрудничестве.

Ключевые слова: российско-китайские отношения, политический прагматизм, политическая симметрия, экономическая асимметрия, трансграничное пространство.

Для цитирования: Архипкин О. В., Лапшин А. Н., Голик С. А. Политические и экономические тренды российско-китайских отношений // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2020. Т. 32. С. 20–33. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2020.32.20>

Традиционно принято считать, что политические и экономические отношения между странами взаимно обусловлены. Но, не подвергая сомнению это положение, возможно сослаться на расхожую в последней четверти прошлого века в Китае характеристику российско-китайских отношений, которую приблизительно можно перевести как «холодная политика и теплая

экономика». В свободном толковании это означает, что политическая и экономическая составляющие могут сосуществовать вне зависимости от своего содержания в общем контуре двусторонних отношений. Абстрагируясь от частных случаев, такое состояние отношений следует характеризовать как асимметрию политического и экономического трендов в отношениях между странами. С другой стороны, если рассматривать политику и экономику как две обособленные сферы, то политические отношения возможно считать симметричными, равно как и экономические, безотносительно того, как они оцениваются – положительно или отрицательно.

Возвращаясь к вышеназванной антиномии «холодно – тепло», необходимо напомнить, что это имело место в прошлом веке. В настоящее время российско-китайские отношения определяются как стратегические, партнерские, дружественные и проч. в первую очередь в результате позитивных изменений в политической сфере. В связи с этим возникает интерес к общему состоянию российско-китайских отношений и их перспектив как следствию достижения декларируемой симметрии политического и экономического в отношениях двух стран.

Политическая симметрия как образное выражение не входит в лексикон политологии, хотя, наверное, этого и заслуживает, тем не менее оно способно выражать общее состояние билатеральных политических отношений как положительное, поскольку основано на взаимообусловленном прагматизме деятельности двух субъектов. Вместе с тем прагматизм отнюдь не предполагает равенства.

Если государство находится в конфликтном состоянии с другим государством, то объявление войны или готовность принять / не принять встречные условия противостоящей стороны можно считать симметричными, даже если государства в разных «весовых» категориях: прагматизм может заключаться и в отказе от прагматизма. Для всякой стратегии, ведущей к проигрышу, максимальный выигрыш – это минимальный проигрыш.

Асимметрия – политическая или экономическая – в данном контексте означает элиминацию прагматизма в двусторонних отношениях: стратегия должна быть реализована, даже если ее результатом будет проигрыш.

Эти два небесспорных выражения как нельзя лучше отражают историческую практику международных и двусторонних отношений России и Китая как прошлого, так и современности.

И необходимо добавить, что в практике и аналитике российско-китайских отношений последнего времени прагматизм является константой политической и экономической фразеологии в периметре их измерения.

Научные исследования и интерпретации современного состояния российско-китайских отношений преимущественно имеют точкой отсчета Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР, подписанный 16 июля 2001 г., вынося за скобки содержание и следствие исторической договорной основы между двумя странами.

Но совместное российско-китайское историческое прошлое, в том числе и формализованное в договорах, – это необходимый субстрат для форми-

рования методологически обоснованных подходов к определению будущего соотношения политического и экономического и их пропорциональности во взаимоотношениях двух стран.

Любой международный договор вне зависимости от его содержания однозначно свидетельствует только об отсутствии войны, хотя может быть вынужденным или добровольным, равноправным или неравноправным, выгодным или невыгодным и проч. Вместе с этим содержание и условия договора в отношении одной конкретной, тем более сопредельной, страны могут совпадать или не совпадать с общими внешнеполитическими концепциями государства.

В качестве гуманитарной иллюстрации и аргументации, не претендуя на всеобъемлемость этой весьма обширной и дискуссионной тематики, возможно обратиться к содержанию Кяхтинского договора (1727 г.), который получил развитие в Кульджинском договоре, сближающем торгово-экономические отношения в Центральной Азии (1851 г.); установлению пограничной линии по Айгунскому договору (1858 г.); Пекинскому договору (1860 г.); признанию Россией Китайской республики в 1913 г.; заключению торгового договора между СССР и Китаем (1939 г.); признанию СССР Китайской Народной Республики (1949 г.); Советско-китайскому договору о дружбе, союзе и взаимной помощи (1950 г.); аннулированию СССР ранее заключенных торговых договоров (1960 г.); восстановлению советско-китайских отношений (1969 г.); соглашению о платежах и товарообмене на 1986–1990 гг. (1985 г.), возобновлению полноформатных дипломатических отношений (1986 г.); визиту М. С. Горбачёва в Китай, нормализации отношений (1989 г.); демаркации российско-китайской границы [5].

Политическая quintessence этого далеко неполного перечня соглашений заключается в отражении баланса сил и интересов двух стран на определенных исторических этапах их развития.

Со времени появления Китая во внешнеполитической архитектуре Российского государства и по настоящий момент национальные концепции внешней политики как в Китае, так и в России корректировались международной конъюнктурой соотношения сил и состоянием внутреннего политического и экономического потенциала.

История дает основания утверждать, что с XVII в. Китай оказался в полосе международной политической и экономической деградации при сохранении мировоззренческой доктрины Поднебесной, в то время как значимость России приобрела мировой масштаб с претензиями на политическую и экономическую гегемонию. Эти два тренда пересеклись в 1949 г. с созданием Китайской Народной Республики. Для нового Китая потребовались новые целевые установки во внешней политике, в том числе и в отношении СССР.

Новейшая история Китая характеризуется очень высокой степенью динамичности политических и экономических процессов. Это обуславливает необходимость мобильности и адаптивности внешнеполитического курса, целей внешней политики, геополитических стратегий и приоритетов в глобальном и трансграничном пространстве.

Существуют различные периодизации внешней политики Китая, в которых Россия является субъектом или мультилатеральности, или билатеральности международных отношений КНР. Экспликацию этих двух подходов возможно представить следующим образом:

1) период 1949–1964 гг.: стратегический союз с СССР и странами социализма, борьба с мировым империализмом – концепция «двух лагерей» – период полной политической симметрии двух стран;

2) середина 1960-х – конец 1970-х гг.: радикализация внешней политики, противостояние ревизионизму (СССР) и империализму (США); Китай возглавляет движение неприсоединения, формулируются принципы мирного сосуществования и концепция «трех миров». Китай официально декларирует традиционную доктрину Срединной империи: «... народный Китай должен занять среди народов земли по праву принадлежащее ему место — первое место» [2, с. 36]. Это период, который в математическом формулировании следует определить как «неполную симметрию»: политический прагматизм Китая по отношению к СССР заключался в возможности выбора стратегических партнеров – США или СССР; США и СССР и развивающиеся страны; максимальным приближением к асимметрии можно считать события на о. Даманском (1969 г.) и заявление Дэн Сяопина о необходимости международной консолидации для борьбы «с советским гегемонизмом» (1979 г.), что противоречило как общемировому раскладу сил, так и официальной внешнеполитической концепции КНР [2; 4];

3) 1980-е – конец 1990-х гг.: начало реформирования государственной экономической парадигмы, проводится политика «открытости Китая», что потребовало отказа от тезиса Мао Цзэдуна «политика определяет все сферы жизни» и перехода к стратегии «экономика определяет все сферы жизни»; очередной афоризм Дэн Сяопина: «Политика должна быть прагматичной для пользы китайского народа» [11, с. 85], сформулирована концепция независимой и самостоятельной внешней политики (отказ от идеологических блоков); в двусторонних отношениях устанавливается приоритет экономического над политическим, меняется позиция в международных отношениях по основаниям необходимости поддержания мира для экономического развития страны, что фиксируется в Конституции КНР 1982 г.; формирование стратегического партнерства с различными регионами мира, в том числе и с Россией, Китай принимает концепцию многополярного мира [11];

4) начало 2000-х гг. по настоящее время: основные тезисы внешней политики, сопровождающие движение Китая к статусу геэкономического и геополитического полюса мира и новой сверхдержавы, – «мирное развитие», «мирное возвышение», «китайская мечта». Нарастающая экономическая конкуренция с США начинает приобретать политические смыслы «ловушки Фукидида», на этом фоне отношения России и КНР как «добрососедские» по договору 2001 г. перерастают в геостратегические и имеют потенциал для дальнейшего развития, поскольку это полностью соответствует геополитическим позициям и России, и Китая в отношении США.

Характеризуя историю развития отношений России и Китая в целом, возможно отметить, что на протяжении нескольких веков в них доминировала тенденция разумного сосуществования, ориентированная на взаимодействие и сотрудничество.

Наиболее критичным принято считать период 1960–1970-х гг. (относительно непродолжительный в историческом измерении), который называют «периодом раскола», или «периодом конфронтации». Тем не менее возможно полагать, что степень конфронтации определялась степенью наличествующего разумного прагматизма сторон, поэтому экстремальные значения противостояния не переросли в катастрофические [3].

Таким образом, если рассматривать понятие «политическая симметрия в отношениях двух стран» как взаимную адекватность целеполагания и действий на рациональной основе, то политические позиции России и Китая всегда содержали прагматичную основу в решении проблем, каковыми они были в видении политического руководства двух стран, что не исключает вероятности временных девиаций (1969 и 1982 гг.). При таком подходе эффективность политической соотносимости позиций России и Китая следует принимать равнозначной. Имеется в виду, что политические отношения между Россией и Китаем всегда были и остаются до сих пор приемлемыми для обеих сторон либо в краткосрочном, либо в долгосрочном периоде.

Ретроспекции российско-китайских политических отношений свидетельствуют об исторической взаимообусловленности интересов двух сопредельных государств. За достаточно продолжительный исторический период между странами не было полномасштабной войны. Напротив, Россия участвовала в решении китайско-японских проблем, занимала солидарную с Китаем позицию в корейском конфликте, внесла огромный вклад в государственное и военное строительство КНР в 1950-е годы, даже при известной идеологической конфронтации времен Мао Цзэдуна стратегические противники были общие.

Можно констатировать, что инерция сложившейся российско-китайской политической парадигмы сосуществования не претерпела значительных изменений, о чем свидетельствует вышеупомянутый Договор 2001 г., а также все последующие двусторонние соглашения. Это подтверждает и относительно гармонизированная политическая практика России и Китая как по отношению друг к другу, так и в отношении третьих сторон. К новациям политической парадигмы следует отнести личностные контакты лидеров двух стран, которые уже признаются как индикаторы роста политической консолидации России и Китая.

Если политические отношения России и Китая рассматривать с позиций эволюционного метода, т. е. как исследование общей логики развития процесса с исключением исторических «шероховатостей», то возможно сделать вывод, что «сальдо» политических отношений между Россией и Китаем стремится к нулю. И можно предположить, что траектория эволюции этих отношений будет сохраняться и в исторической перспективе.

Совершенно иначе развивались экономические и торговые отношения. После подписания Нерчинского договора, который считается точкой отсчета взаимодействия между странами, торгово-экономические отношения представляли дорогу с односторонним движением. Уже после заключения первых торговых договоров китайское правительство, используя заинтересованность России в развитии торгово-экономических связей, манипулировало условиями двусторонней торговли и негласно просто запрещало покупать русские товары, в то время как экспорт китайских в Россию развивался вполне успешно.

Центром торговли первоначально была Кяхта, но впоследствии возникли и другие центры, которые в своей исторической и пространственной протяженности формировали трансграничное пространство России и Китая.

По мере развития двусторонних экономических отношений Россия создает весьма значимые объекты инфраструктуры Китая: строительство КВЖД, основание г. Харбина в провинции Хэйлунцзян, строительство г. Далянь на арендованной у Китая территории в провинции Ляонин и др.

Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что в конечном итоге все они были более выгодными для Китая и в историческом экономическом балансе для России их следует записать в убытки, тогда как Китай до сих пор получает значимые дивиденды от российских затрат в китайском направлении. Например, г. Далянь и провинция Ляонин – наиболее преуспевающая провинция северо-востока КНР, в настоящее время в большей степени ориентирована на торгово-экономические отношения со странами АТР (включая США), нежели на экономическое взаимодействие с Россией.

Советский период сотрудничества следует считать наиболее ущербным для СССР, поскольку его затраты на развитие экономики Китая оказались весьма значительны. Он внес большой вклад в строительство Синьцзянской автодороги (1938 г.), а это практически 3000 км; строительство Тушанцзынского нефтеперерабатывающего комбината (1939–1941 гг.), по Договору о дружбе, союзе и взаимной помощи (1950 г.) Россия участвовала в строительстве и реконструкции более чем 150 крупных промышленных объектов, включая и разработки по использованию атомной энергии, а также Россия передала Китаю свои пай в совместных акционерных обществах [9]. Но самое главное, в большей части затраты имели военно-политический, т. е. практически безвозмездный характер, кульминацией которого следует считать передачу ядерных технологий «братскому народу» [5].

Что получала советская сторона в качестве компенсации? Ограниченные поставки минерального сырья и достаточно узкий ассортимент продовольственных и потребительских товаров (посуду, термосы, нижнее белье со знаковым наименованием «Дружба» и т. п.), которые тем не менее имели идеологическое наполнение как символы российско-китайской дружбы.

В советский период, несмотря на огромные материальные объемы товарооборота, в частности после Второй мировой войны, финансовые показатели внешнеэкономического сотрудничества двух стран были незначительны, поскольку основной объем российского экспорта, особенно военно-

технического и индустриального характера, поставлялся в виде, во-первых, политической поддержки, во-вторых, экономического взаимодействия, оформленного в форме кредитов. По различным источникам, объем помощи такого рода достигал от 10 до 15 млрд долл., хотя официальный товарооборот между Китаем и Россией в период 1950-х – начала 1960-х гг. составлял не более 1 млрд долл.

К концу 1960-х гг. в связи с идеологическими разногласиями между СССР и Китаем ситуация приобрела еще более сдержанный характер – товарооборот между странами оценивался около 400 млн долл. [8].

Но даже после вооруженного конфликта на о. Даманском в 1970-е гг. не столько для развития, а сколько для поддержания внешнеторговых отношений сохранялся принцип сбалансированности взаимных поставок, который в экономическом отношении был ничтожен, но выполнял функцию «мостика» во взаимоотношениях между государствами.

В начале 1980-х гг. политические отношения между странами стали нормализоваться, что, безусловно, способствовало развитию внешнеторговых связей. Но, с другой стороны, в конце 1970-х гг. в Китае начались экономические реформы, что не совсем вписывалось в политэкономическую доктрину СССР, поэтому никаких качественных и количественных перемен не произошло.

Говорить о полноценных рыночных внешнеторговых отношениях между Россией и Китаем возможно только с началом российской реформы, так называемой перестройки, а именно с 1989 г., когда в СССР развернулись процессы либерализации внешней торговли.

Начало 1990-х гг. считается самым благоприятным периодом внешней торговли между Россией и Китаем, особенно приграничной. Основными причинами этого являлся товарный дефицит в России и громадные различия внутренних и мировых цен на основные товары российского экспорта: нефть была дешевле почти в два раза; уголь – в три раза; газ – почти в пять раз; листовой прокат – на 40 %; алюминий – на 30 % и т. д. Очевидно, что экспортные операции характеризовались сверхприбыльностью.

Предпринимательская деятельность в России этого периода проходила под лозунгом «Все на продажу», и при таком значительном разрыве внутренних и мировых цен любая внешнеторговая сделка была выгодна и прибыльна. И китайская сторона заработала очень много, так как, с одной стороны, за 10 лет китайских реформ и «политики открытости» китайский бизнес уже усвоил рыночные методы ведения внешнеторговой деятельности, тогда как российская сторона практически не имела никакого опыта в этой сфере. Поэтому высоколиквидные и дорогостоящие товары шли по низким ценам, а чаще по бартеру на товары народного потребления не лучшего качества. Бартерные сделки были основной формой торговли между Россией и Китаем как на уровне крупных хозяйствующих субъектов, так и на уровне челночной торговли.

«Прозрачность» границ как следствие политической либерализации в России и китайская «политика открытости» привели к обоюдной интенсификации

фикации приграничной торговли. Но китайская сторона достаточно жестко регулировала челночный процесс нормативными актами, исходя из своих экономических интересов и потребностей, что стимулировало занятость населения приграничных районов в сфере приграничного бизнеса¹. В то время как в России приграничная торговля представляла собой во многом стохастический процесс.

Российско-китайская приграничная торговля в этот период стала одним из способов выживания населения восточных территорий России, практически изолированных от ее европейской части и оставшихся без сколь-либо значимой организационно-правовой поддержки со стороны органов власти федерального уровня. В результате объемы материальных и финансовых потерь России во внешнеторговой деятельности в 1990-е гг. в целом и приграничных с Китаем регионов в частности не поддаются исчислению.

Российско-китайский Договор 2001 г. принципиальных изменений в структуру отношений двух стран не внес. Для Китая политическая компонента по-прежнему является основной в отношениях с Россией, в то время как экономическая остается второстепенной, поэтому реализуется не по основаниям общих интересов, а в одностороннем порядке.

В экономической проекции Договора 2001 г. задачей сотрудничества было поставлено достижение внешнеторгового оборота между странами в объеме 100 млрд долл. К этой сумме неоднократно приближались, но этот рубеж был так и не преодолен, хотя появилась очевидная тенденция к реструктуризации экономических показателей во внешнеторговых отношениях между Россией и Китаем. В 2013 г. Китай стал основным партнером России, оттеснив Германию на второе место, что дало основание тезису переориентации российского вектора «на Восток», т. е. на Китай.

В определенном смысле это был повод, чтобы очередной раз реинкарнировать содержание понятия «Евразия» в «азиопу», поскольку к Европе как бы поворачиваемся спиной, и «обидная» семантика этой контаминации переходит с России на Европу.

В этом же году впервые за всю историю двусторонних отношений сальдо внешнеторгового оборота России и Китая стало отрицательным, поскольку импорт из Китая возрастает за счет увеличения доли машинотехнической, а поэтому более дорогой продукции, в то время как структура российского экспорта не изменилась, несмотря на очевидный прогноз его количественного роста в ближайшей перспективе за счет реализации опять же сырьевого мегапроекта «Сила Сибири» по поставкам российского газа в Китай [10].

По этим же основаниям определяется широко растиражированный китайской стороной тезис о «взаимодополняемости экономик двух стран» как отношениях между индустриальным Китаем и сырьевой Россией [7].

¹ Закон о договоре [Электронный ресурс]. URL: <https://asia-business.ru/law/law1/contract/contract/> (дата обращения: 20.03.2020).

Особенности политической и экономической билатеральности российско-китайских отношений наиболее явно прослеживаются в трансграничном пространстве двух стран.

Длительный период движения России «на Запад» позволил сформировать определенную политическую методологию, стратегию и тактику отношений территориального и экономического взаимодействия, которые в своем развитии адаптировались к динамике европейской политической и экономической конъюнктуры.

«Восточный дискурс» трансграничья длительное время был на периферии политических и социально-экономических акций, что к середине нулевых годов стало оформляться в экономический сепаратизм регионов Дальнего Востока, в том смысле, что для них иметь дело с Китаем, Японией, Кореей оказалось организационно и экономически проще и эффективней, чем с федеральным центром и более отдаленными регионами России. В целом можно было говорить о тенденции к ослаблению единства экономического пространства страны. Беспрецедентные материально-финансовые потоки, направляемые с середины нулевых годов в дальневосточные регионы, остановили этот процесс, хотя проблемы старого и нового качества, связанные с их трансграничностью, остаются актуальными.

Трансграничность пространства – тема общеполитическая, и большинство российских и зарубежных исследований трансграничных отношений характеризует чрезвычайная деликатность формулирования имеющихся явных или латентных несовпадений (или взаимоисключений) политических, социально-экономических и прочих интересов регионов, находящихся по разные стороны государственных границ. Такого рода толерантность вполне объяснима, если принимать во внимание широко растиражированную семантику трансграничности как пространства взаимодействия, направленного на консенсус интересов и целей с ориентацией на кооперацию и интеграцию. Таким образом, в декларируемом тезисе о том, что «граница не только разъединяет, но и объединяет», доминирующей основой рассуждений является последнее – объединение как позитив и потенциал развития сотрудничества.

Трансграничное пространство возможно определять, во-первых, как географическую сопредельность двух стран или регионов различной государственной принадлежности и разделенных государственной границей и, во-вторых, как территориальную совокупность приграничных регионов в виде общего поля межрегиональных связей взаимодействия. При этом второе не отменяет первого – на общем поле взаимодействуют самостоятельные субъекты, сохраняющие свою государственную и территориальную «резидентность» и реализующие свои цели и интересы на «нерезидентной» территории.

Даже вне зависимости от целеполагания сверхзадачей каждой стороны является максимизация эффективности деятельности на осваиваемой территории, закрепление достигнутых результатов и расширение масштабов этой деятельности в выбранном континууме, т. е. начинается борьба за пространство – экономическое, социальное, культурное, лингвистическое, религиоз-

ное и т. п. в зависимости от специфических особенностей конкретных трансграничных регионов. Если же говорить о российско-китайском трансграничье, то это в первую очередь борьба за экономическое, рыночное пространство. Таким образом, граница деятельности перемещается на осваиваемую территорию и трансформируется в то, что условно можно определить понятием «фронтир» как распространение реализации своих интересов, в том числе и институциональных, на чужой территории [1].

В регионалистике специалисты по критерию цивилизационной социокультурности выделяют два типа границ: европейский и азиатский. Очевидными являются различия в соразвитии между российскими и китайскими регионами в сравнении с соразвитием российских, белорусских, украинских и даже прибалтийский регионов. Поэтому западный тип границы предполагает большую прозрачность, а возможности интеграции и институционализации западных трансграничных регионов имеют значительно большую дивергентность, чем восточных, в первую очередь по российско-китайской границе.

В отличие от европейской модели трансграничности, институциональные механизмы в отношении трансграничности России с Китаем практически не действуют. В Китае же, напротив, разработана стратегия и тактика развития трансграничных регионов, сформулированная в концепции «внешней регионализации» и формализованная в содержании понятия «надгосударственный трансграничный регион». Причем практическое развертывание этого концепта основано на представлении о регионе как эволюционирующей системе, границы которой определяются не географически, а региональными интересами социума, поэтому они не статичны, как у территориально-административного образования, а подвижны и диффузны. По определению «надгосударственный регион» его функционирование может распространяться на территории соседних государств, выходя, таким образом, за институциональные границы своей страны. Такая политика «трансграничного регионализма» исходит из современной геополитической идеологии Китая, которая в свою очередь основана на традиционно историческом китаецентризме, что возможно трактовать как идеологическую концепцию «расширяющейся границы» в сторону России и далее переход с континентальной территории на глобальное пространство.

Таким образом, для Китая внешняя граница «надгосударственного трансграничного региона» – это есть распространение китайских интересов по различным компонентам. Очевидно, что такое движение требует институционального сопровождения, формирование и развитие которого в Китае стимулируется государственными акторами и в соответствии с конфуцианскими принципами легко воспринимается институциональными агентами.

Основным направлением китайского «движения на Север» является экономическое пространство, которое интенсивно осваивается Китаем. Идеологеммы «стратегическое партнерство» и «взаимодополняемость российской и китайской экономик» немало способствовали развитию китайского бизнеса на территории сопредельных регионов по освоению «сан до», или по-русски «три много», – полезных ископаемых, леса, морских ресур-

сов; расширению китайского ингредиента в сфере торговли; тенденции к монополизации обслуживания китайских туристов и т. д., что изначально заложено в механизм реализации китайского трансграничного регионализма, ориентированного на присвоение и поглощение чужих ресурсов и распространение своего влияния.

Несмотря на то что стратегическое партнерство и приграничное сотрудничество предполагают равенство возможностей, достижения российской стороны на территории Китая несоизмеримо меньше. Это обусловлено общей позицией Китая в отношении трансграничных связей и развитой системой законодательных норм, регулирующих экономические отношения с нерезидентами. Причем китайский мониторинг имеет операциональную функцию, т. е. предполагает отслеживание экономических связей и контактов, с тем чтобы эти процессы не выходили за установленные пределы; если это происходит, то включаются соответствующие механизмы коррекции, как формальные, так и неформальные. Но, характеризуя регулирование деятельности российских экономических субъектов в трансграничных провинциях Китая, следует констатировать, что оно имеет в значительной мере заградительный и дискриминационный функционал. Причем наблюдается тенденция к ограничению российского бизнеса на китайской территории. По этой причине зона присутствия России в северо-восточных провинциях КНР незначительна, даже несмотря на то, что отдельные отрасли экономики зависимы от поставок сырья и материалов из российских приграничных регионов.

Учитывая тенденцию общей экономической асимметрии российско-китайских отношений, возможно предположить, что асимметрия российского и китайского «фронтиров» в дальнейшем будет усиливаться. В Китае уже оперируют понятием «квазиграница» трансграничного региона, которое обозначает границу распространения китайской деятельности на территории сопредельного государства. Возможно, следующей дефиницией будет «квазикитайский регион» в отношении российских территорий, сопредельных Китаю, что уже вступает в противоречие с политической симметрией между странами.

Партнерство в трансграничном пространстве должно основываться на единстве и адаптации интересов сторон в целях взаимовыгодного сотрудничества на сопредельных территориях и их параллельного экономического роста при соблюдении параметров политического паритета. Но вместе с этим трансграничное сотрудничество, априори направленное на положительные эффекты, имманентно содержит диспаритет преимуществ и угроз для взаимодействующих сторон.

Современное состояние трансграничного сотрудничества российских и китайских регионов демонстрирует явную асимметрию выгод и преимуществ в пользу Китая. В трансграничных отношениях китайская сторона является основным бенефициаром с тенденцией к экономическому доминированию на российской территории трансграничного пространства. Это создает потенциальную опасность самодостаточности российских регионов, что уже проявляется в экономической экспансии и может иметь политические последствия.

Исходя из существующего положения не только трансграничного, но и общего состояния внешнеэкономических отношений между Россией и Китаем, возможно сделать вывод, что политическая симметрия между странами начинает приобретать иные институциональные характеристики как результат развивающейся экономической асимметрии.

Для демпфирования опасностей сотрудничества с Китаем необходимо переформатировать неолиберальную экономическую политику в прагматично-протекционистскую. Состояние, перспективы и направления взаимодействия определяются политикой и идеологией власти, которые должны не только быть адекватны китайским, но по своим контролирующим и защитным функциям превосходить их по агрессивности акций.

Если доводить тенденции китайской парадигмы взаимоотношений с Россией до логического предела в понятиях мультилатеральности или билатеральности, то китайская политика и экономическая политика все в большей степени тяготеют к содержанию политического неологизма «унилатерализм» как к тотальной доктрине китаеценризма в отношении Российского государства.

Список литературы

1. *Агеев А. Д.* Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. М.: Аспект Пресс, 2005. 330 с.
2. *Ахмадеева Я. М.* Развитие внешнеполитических концепций Китайской Народной Республики с 1949 года по начало XXI века // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. Т. 9, № 1. С. 33–44.
3. *Балакин В. С., Сяоин Л.* КНР и СССР в 1960-е – 1980-е годы: от конфронтации к равноправному сотрудничеству // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2016. Т. 16, № 1. С. 11–14.
4. *Виноградов А. О.* Внешняя политика Китайской Народной Республики в 1949–1976 гг. [Электронный ресурс] // Перспективы : сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. 2016. URL: <https://clck.ru/F8yupg> (дата обращения: 20.03.2020).
5. *Галенович Ю. М.* История взаимоотношений России и Китая : [в 4 кн.] / Русское ист. о-во. Москва : Русская панорама, 2011. 4 т.
6. *Галенович Ю. М.* Россия – Китай: шесть договоров. М.: Муравей, 2003. 408 с.
7. *Останин В. А.* Трансграничные российско-китайские торговые отношения: эффекты конкуренции и коллаборации [Электронный ресурс] // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2018. № 4. URL: <https://rucont.ru/efd/676527> (дата обращения: 20.03.2020).
8. *Романова Г. Н.* Торгово-экономические отношения СССР и Китая в 50-80-е гг.: тенденции, динамика // Российско-китайское взаимодействие в политике, экономике, культуре и образовании: опыт, проблемы, перспективы. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. С. 206–213.
9. *Сладковский М. И.* История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917–1974). М.: Наука, 1977. 368 с.
10. *Сорокина Л. В., Тихомирова Е. С.* Прогноз тенденций развития взаимной торговли между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой [Электронный ресурс] // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2017. № 2. URL: <https://rucont.ru/efd/623205> (дата обращения: 20.03.2020).
11. *Ю Хань.* Развитие современной внешней политики КНР // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 1 (239). С. 84–91.

Political and Economic Trends in Russian-Chinese Relations

O. V. Archipkin, A. N. Lapshin, S. A. Golik

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. Currently Russia and China are positioning their relationship as a strategic partnership in a pragmatic and constructive manner. However, the analysis of the historical and evolutionary development of political and economic relations between the countries indicates the presence of latent systemic contradictions. The general paradigm of Russian-Chinese relations is dominated by a political component. The political content of Russian-Chinese relations is pragmatic and productive but the economic content is multidirectional and conflicting leading to general contradictions in the relations between Russia and China, especially in cross-border regions. Based on this analysis, the authors came to the conclusion that while there is political parity between Russia and China both in bilateral relations and in the global space, the economic disparity in favor of China is growing, which potentially threatens the political partnership of the two countries. This requires correction of Russia's position in bilateral cooperation.

Keywords: Russian-Chinese relations, political pragmatism, political symmetry, economic asymmetry, cross-border space.

For citation: Archipkin O.V., Lapshin A.N., Golik S.A. Political and Economic Trends in Russian-Chinese Relations. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2020, vol. 32, pp. 20-33. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2020.32.20> (in Russian)

References

1. Ageev A.D. *Sibir' i amerikanskij Zapad: dvizhenie frontirov* [Siberia and the American West: the frontier movement]. Moscow, Aspect Press Publ., 2005, 330 p. (in Russian)
2. Achmadeeva Y.M. *Razvitie vneshnepoliticheskikh koncepcij Kitajskoj Narodnoj Respubliki s 1949 goda po nachalo XXI veka* [Development of foreign policy concepts of the people's Republic of China from 1949 to the beginning of the XXI century]. *Scientific and technical statements of SPbSPU. Humanities and social Sciences*, 2018, vol. 9, no. 1, pp. 33-44. (in Russian)
3. Balakin V.S., Xiaoying L. *KNR i SSSR v 1960-e – 1980-e gody: ot konfrontacii k ravnopravnomu sotrudnichestvu* [China and the USSR in the 1960-1980: from confrontation to equal cooperation]. *Bulletin of the South Ural state University. Series: Social and humanitarian Sciences*, 2016, vol. 16, no. 1, pp. 11-14. (in Russian)
4. Vinogradov A.O. *Vneshnyaya politika Kitajskoj Narodnoj Respubliki v 1949-1976 gg.* [Foreign policy of the people's Republic of China in 1949-1976]. *Perspectives: online publication*. Of the center for research and Analytics of the historical perspective Foundation. 2016. Available at: <https://clck.ru/F8ypg> (date of access: 20.03.2020) (in Russian)
5. Galenovich Y.M. *Istoriya vzaimootnoshenij Rossii i Kitaya* [History of relations between Russia and China] : [in 4 vol.]. Russian historical society. Moscow, Russian panorama Publ., 2011, 4 vol. (in Russian)
6. Galenovich Y.M. *Rossiya – Kitaj: shest dogovorov* [Rossiya – Kitaj : shest' dogovorov]. [Russia-China. Six agreements]. Moscow, Ant Publ., 2003, 408 p. (in Russian)
7. Ostanin V. A. *Transgranichnye rossijsko-kitajskie torgovye otnosheniya: efekty konkurencii i kollaboracii* [Cross-border Russian-Chinese trade relations: effects of competition and collaboration]. *Customs policy of Russia in the Far East*, 2018, no. 4. Available at: <https://rucont.ru/efd/676527> (date of access: 20.03.2020) (in Russian)
8. Romanova G.N. *Torgovo-ekonomicheskie otnosheniya SSSR i Kitaya v 50-80-e gg.: tendencii, dinamika* [Trade and economic relations of the USSR and China in the 50-80 years: trends, dynamics]. *Russian-Chinese interaction in politics, economy, culture and education:*

experience, problems, prospects. Vladivostok, Far Eastern University press, 2008, pp. 206-213 (in Russian)

9. Sladkovsky M.I. *Istoriya torgovo-ekonomicheskikh otnoshenij SSSR s Kitaem (1917-1974)* [History of trade and economic relations of the USSR with China (1917-1974)]. Moscow, Nauka Publ., 1977, 368 p. (in Russian)

10. Sorokina L.V., Tichomirova E.S. Prognoz tendencij razvitiya vzaimnoj trgovli mezhdru Rossijskoj Federaciej i Kitajskoj Narodnoj Respublikoj [Forecast of trends in the development of mutual trade between the Russian Federation and the people's Republic of China]. *Customs policy of Russia in the far East*, 2017, no. 2. Available at: <https://rucont.ru/efd/623205> (date of access: 20.03.2020) (in Russian)

12. Yu Han. Razvitie sovremennoj vneshnej politiki KNR [Development of China's modern foreign policy]. *Scientific and technical statements of SPbSPU. Humanities and social Sciences*, 2016, no. 1 (239), pp. 84-91. (in Russian)

Архипкин Олег Валерьевич

доктор экономических наук, профессор,
кафедра экономики и торговой политики,
Международный институт экономики
и торговой политики
Иркутский государственный университет
Российская Федерация, 664003, г. Иркутск,
ул. К. Маркса, 1
e-mail: arhipkin@id.isu.ru

Arkhipkin Oleg Valeryevich

Doctor of Sciences (Economics),
Professor, Department of Economics
and Trade Policy, International Institute
of Economics and Trade Policy
Irkutsk State University,
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
Russian Federation
e-mail: arhipkin@id.isu.ru

Лапшин Александр Николаевич

кандидат философских наук, доцент,
кафедра экономики и торговой политики,
Международный институт экономики
и торговой политики
Иркутский государственный университет
Российская Федерация, 664003, г. Иркутск,
ул. К. Маркса, 1
e-mail: casha_lux@mail.ru

Lapshin Aleksandr Nikolaevich

Candidate of Sciences (Philosophy),
Associate Professor, Department
of Economics and Trade Policy,
International Institute of Economics
and Trade Policy
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
Russian Federation
e-mail: casha_lux@mail.ru

Голик Светлана Александровна

магистр коммерции, кафедра экономики
и торговой политики, Международный
институт экономики и торговой политики
Иркутский государственный университет
Российская Федерация, 664003, г. Иркутск,
ул. К. Маркса, 1
e-mail: svetlago66@mail.ru

Golik Svetlana Aleksandrovna

Master's Degree in Commerce,
Department of Economics and Trade
Policy, International Institute
of Economics and Trade Policy,
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
Russian Federation
e-mail: svetlago66@mail.ru